

ВЕЛИКАЯ ТРОИЦА

Каждый свой приезд в Армению Уильям Сароян в обязательном порядке посещал двух знаменитых сверстников: академик Виктора Амбарцумяна и Католикоса всех армян Вазгена Первого. Получал истинное наслаждение от того, что называл их обоих «мальчишками», «малышами». Дело в том, что все трое родились в один 1908 год, в промежутке трех недель: Сароян — 31 августа во Фресно (США), Амбарцумян — 18 сентября в Тбилиси, Вазген Первый — 20 сентября в Бухаресте. И этой разницы было достаточно, чтобы Уильям Арменакович (так в шутку мы часто обращались к Сарояну, и всегда это вызывало у него улыбку) подсмеивался над своими почтенными одногодками. И вот всем троим титанам исполнилось бы по сто лет.

Так уж удачно сложилось в моей жизни, что со всеми тремя гениальными старцами, несмотря на внушительную разницу в возрасте, у меня были теплые, дружеские отношения. Этому способствовала и специфика работы собственного корреспондента «Литературной газеты» по Армении. На протяжении почти четверти века я традиционно возил моих многочисленных гостей в Эчмиадзин и Бюракан. Помнится, чуть ли не в одни и те же дни всей Арменией отмечали семидесятилетие, восьмидесятилетие, девяностолетие, как их называли, Святой Троицы. Я всегда принимал активное участие в этих юбилеях. И вот сам Бог велел к столетию Святой Троицы, заглядывая в мои архивы и бесчисленные записные книжки, хотя бы несколькими штрихами к портретам поведать нашему современнику о трех ярких ровесниках XX века, оставивших неизгладимый след в истории мировой литературы, науки и духовной жизни.

...Мне позвонил председатель Комитета по культурным связям с зарубежными армянами Вардгес Амазаспян и с ходу выпалил: «В прошлый раз ты Сарояна проводил домой через Одессу. Теперь вот, спустя два года, варпет (мастер) прислал телеграмму и просит, чтобы именно ты встретил его в Риге». Два года назад я целый месяц не расставался с писателем, которого знал

весь мир. Это было не только мое желание, но и своего рода долг. Ибо я, кроме прочего, выполнял редакционное задание: подготовить диалог с Уильямом Сарояном. Материал был опубликован в «ЛГ» в ноябре 1976 года. Сароян не только охотно отвечал на мои вопросы, но и сам придумывал их для меня. Так он предложил мне, чтобы я спросил его о телевидении и периодической печати. И я тотчас же оформил вопрос.

— Я хотел бы спросить о вашем отношении к кинематографу и телевидению, поскольку эти средства массовой коммуникации сейчас успешно, если не сказать фатально, соперничают с литературой?

— Кино я всегда любил. Много работал для него. Порывал с ним. Что касается телевидения, то с ним вопрос сложнее. У меня дома нет телевизора. Раньше был, но я его выбросил. С одной стороны, он мешал мне, с другой — этот сатанинский ящик пропагандирует насилие и пошлость. Его примитивные герои в одночасье становятся законодателями мод и примером для подражания молодежи. Правда, есть от него и некоторая польза. Все бездарные графоманы, которые отирались в литературе, нашли приют на телевидении.

— Дружите ли вы с газетами?

— Многие мои рассказы увидели свет на газетных полосах. Это и огромный тираж, и оперативность. Газету обычно читают сразу, не откладывая, в отличие от книги. Честно говоря, не думаю, что кто-то испортит погоду печатному слову. Ошибаются те, кто считает, что нас нынче мало читают. У настоящего писателя всегда будут настоящие читатели. Хотя, конечно, я не могу не видеть, что растет поколение, которое станет ущербным из-за этой телеэпидемии. Спасение только в том, что бороться нужно не с телевидением как таковым, а с пошлостью, серостью, пробивной бездарностью. Напрасно сегодня футурологи ставят вопрос о месте литературы и телевидения в будущем. Ничто — ни теперь, ни через тысячу лет, не заменит нам «Шинели» Гоголя.

...В августе 1978 года в «Литературной газете» я опубликовал статью, посвященную семидесятилетию Уильяма Сарояна. А через полтора месяца встречал юбиляра в рижском морском порту. В Риге, Ленинграде, Москве, кроме многочисленных встреч с писателями, в обязательном порядке ходили в театры. Бывало, за один вечер Сароян посещал пять-шесть спектаклей. Десять-пятнадцать минут было достаточно, чтобы получить общее представление о театре вообще и уловить сверхзадачу спектакля. Но вот в Ленинграде просидел целых три часа в необычном для него

«учебном театре». Три часа я ему переводил текст спектакля «Братья и сестры» (по Федору Абрамову) с русского на армянский. Сароян был поражен тем, что студенты театрального института имели возможность вот так выгодно, за счет государства экспериментировать и представлять на суд зрителя идею сложной народной драмы. По окончании варпет настоял, чтобы мы встретились с труппой. Но этого было мало. Обычно он вежливо отказывался от визитов к кому-либо домой, а тут вдруг умоляюще просил, чтобы непременно встретиться (среди ночи) с автором романа «Дом». И мы до утра засиделись у Федора Александровича, который поразил американского писателя точным литературоведческим анализом сарояновского романа «Человеческая комедия» и особенно драмы «Путь вашей жизни».

Еще в Ленинграде утром перед посадкой он спрашивал у меня: «Куда мы в Москве поедим из аэропорта?»

Я сказал, что только не в гостиницу. Ибо ровно в одиннадцать мы должны быть в «Литературной газете» у главного редактора Александра Чаковского. «Я не люблю главных. Вообще, я не очень-то люблю начальников. Сделай так, чтобы мы управились за десять минут».

Редакция наша тогда располагалась на Цветном бульваре. Я был уверен, что беседу с Чаковским буду переводить сам. В советское время мало кто владел иностранными языками. Каково же было мое удивление, когда Александр Борисович, бодро шагая навстречу нам к двери, довольно лихо приветствовал гостя на чистом английском. Сароян похвалил хозяина кабинета за хороший английский и даже заметил: «Удивительно, что вы говорите не на американском английском, а на английском английском». И громко захохотал от неожиданно получившегося каламбура. К великой радости главного редактора, Сароян сделал просто-таки бесценный комплимент: «“Литературная газета” самая цитируемая в Америке советская газета». И я понял, что десятью минутами тут не обойдешься, особенно если учесть, что мудрый Чаковский решил угостить армянского гостя армянским коньяком. Добрых два часа беседовали два писателя, и этого было достаточно, чтобы они подружились.

Перед расставанием Сароян пожаловался, что я составил слишком жесткий и слишком плотный график. При этом похвалил и меня, и «Литгазету» за то, что диалог наш, опубликованный два года назад, перепечатала на английском «Советская литература». И вот теперь едет к главному редактору Савве Дангулову, чтобы приобрести еще одного друга. Так оно и вы-

шло. Хотя обретение друзей на этом не закончилось. Вечером в Вахтанговском театре мы посмотрели спектакль «Ричард Третий» в постановке народного артиста СССР Рачья Капляняна. И уже в полночь Сароян не знал, куда деться от счастья, беседуя с Михаилом Ульяновым, игравшим шекспировского Ричарда Третьего. На сей раз переводил я и не меньше варпета чувствовал себя счастливым.

...Кстати, о переводе. Сароян считал, что чем талантливее литература, особенно поэзия, тем не то что труднее, а невозможнее переводить на другой язык. В идеале тут нужен равноценный талант. Иначе не будет на Земле подлинного взаимообогащения культур. «Я всю свою жизнь, — рассказывал варпет, — страдал от того, что моя мать, Такуи Сароян, владеющая только армянским, не могла читать моих книг. Совсем случайно одну из самых дорогих мне вещей, «Человеческую трагедию», посвятил моей матери. В предисловии я написал, обращаясь к ней: «Скоро, надеюсь, какой-нибудь необыкновенный переводчик переведет мою книгу на армянский, напечатает ее буквами, которые ты легко сумеешь одолеть. И тогда ты сумеешь наслаждаться, читая мои рассказы по-армянски».

Позже, когда Сароян, путешествуя по Турции, посетил родину своих предков Битлис, он произнес там фразу: «Уильям Сароян родился на чужбине. Пусть Уильямы Сарояны рождаются на земле предков». Именно этими словами он завершил наш диалог, опубликованный в «Литературной газете».

* * *

Это было в сентябре 1952 года. Мне — семнадцать лет. После серьезной травмы я лег в больницу. Меня посещали не только одноклассники и друзья, но и учителя. Я хорошо помню день, когда наша учительница математики легендарная Софья Амбарцумовна вошла в палату и принесла мне кулечек с сушеными тутовыми ягодами и небольшую книжку в твердой обложке. Сразу, как только ушла любимая учительница, я взялся за книгу. Читал, не скрывая гордости за знаменитых соотечественников. Это были: Виктор Амбарцумян, братья Абрам Алиханов и Артем Алиханьян, почти юный Сергей Мергелян и другие. Запал мне в душу Виктор Амазаспович Амбарцумян. Хотел того или нет, но так получилось, что всю свою жизнь я следил за великим ученым. Собственно, дело это было вовсе не хлопотное. Более двух десятилетий находясь вдали от дома, я всегда был в курсе того, что происходило в Армении и особенно в моем родном Карабахе.

Заметим, что я принадлежу к поколению, которое было самым читающим в мире. Как можно было не гордиться, когда, живя на Камчатке, читаешь о том, что президент Академии наук Армении, член Президиума Академии наук СССР, основатель советской теоретической астрофизики (перечень можно продолжить), избирается во второй раз президентом Совета международных академических союзов. И конечно, не было ничего удивительно-го в том, что я мечтал когда-нибудь встретиться с ним.

В 1968 году я получил письмо из Каира. Наши соотечественники из армянской газеты «Джаагир» («Факелоносец») сообщили мне, что легендарный норвежский путешественник Тур Хейердал в Египте строит раритетное судно, которое уже имеет название «Ра»; что, пока идет строительство лодки, Тур собирает интернациональный экипаж; что в команде «Ра» должен быть врач непременно из Советского Союза. Выяснилось также, что Хейердал знал о многомесячных переходах на самодельных лодках «Вулкан» и «Гейзер» по рекам и морям трех камчатских путешественников и что среди них был врач. Он просил передать мне, что у него есть два условия: гонорар — 500 долларов в месяц и, пока сам он не выпустит книгу, нельзя публиковать ничего остальным членам экипажа. Сообщил также, что уже отправил извещение президенту Академии наук Келдышу о том, что врач в экипаже «Ра» должен быть только из СССР.

Я срочно послал телеграмму Туру Хейердалу, сообщив, что принимаю все условия и что готов иллюстрировать его будущую книгу своими рисунками. Вторую телеграмму отправил президенту Академии наук СССР Келдышу. В Москве вместе с моим другом, тогда «правдистом» Анатолием Юсиным посетили одного из чиновников аппарата Академии, который, отрицательно качая головой, довольно туманно толковал о существовании в анкетах пятой графы. Вылетел в Ереван. Через день вместе с собственным корреспондентом «Известий» в Армении Борисом Мкртчяном отправились в Бюракан к основателю Бюраканской обсерватории, что в данном случае куда важнее — к члену Президиума Академии наук СССР.

Я волновался. Как-никак речь шла не просто о встрече с гением, но и об исполнении давнишней мечты. Думал о том, как буду рассказывать ему об экспедиции Тура Хейердала. На всякий случай захватил с собой боржурнал «Вулкана» и «Гейзера».

Виктор Амазаспович медленно перелистывал боржурнал страницу за страницей. Достал из кармана ручку. Посмотрел на меня. Улыбнулся. Это была первая запись на армянском.

Выслушав мой рассказ о Туре Хейердале, он взялся было за телефон. На миг рука зависла в воздухе. И он сказал, глядя не на меня, а на Бориса Мкртчяна: «Такие вещи так не делают. Надо ехать в Москву». Потом перевел взгляд на меня и добавил: «Завтра же летим в Москву».

Кабинет президента Академии наук СССР. Мстислав Всеволодович Келдыш за чаем сказал Амбарцумяну, что решение подобных вопросов зависит от штатного работника КГБ, который и занимается заграничными поездками. Я сразу осознал всю тщету моей мечты. Чистая душа и наивный гений, Виктор Амазаспович решил все-таки встретиться с человеком, от которого зависела судьба претендентов на заграничные поездки.

Это был все тот же чиновник аппарата Академии. Реакция Амбарцумяна оказалась неожиданной. Правда, лексика его была нормативной. Скажу только, что позднее я никогда не видел его в такой ярости.

Вскоре «Литературная газета» опубликовала очередную мою статью, предпослав ее информацией о моей мечте. Через неделю «Комсомольская правда» дала уже официальное сообщение о том, что с Хейердалом на «Ра» отправится Юрий Сенкевич, с которым мы подружились и который не раз приглашал меня на свою передачу «Клуб кинопутешествий». И все же в этой истории главное для меня было в другом. Вовсе и не наивным, оказывается, был Виктор Амбарцумян. Чистая душа — да! А вот наивный — нет. Когда от Келдыша мы возвращались в гостиницу «Москва», он в какой-то момент, глубоко вздохнув, произнес сакраментальное: «И все таки прав был Аветик Исаакян: «Социализм — штука противоестественная». Хотя распад СССР он воспринял одновременно как свою личную, так и планетарную драму. Ибо его, как пророка, больше всего волновало то, что без Советского Союза планета наша будет напоминать старушку, которая тащит на плечах коромысло с одним полным и одним пустым ведром. И сам же комментировал: «Если мы не восстановим равновесие, то Земля погибнет».

Он переживал за меня. А я — за него. И, кажется, я успокоил его, сказав, что все-таки все вышло даже замечательно. «Исполнилась мечта моей юности — познакомиться с вами. И вдобавок — час назад угостил меня чаем сам Келдыш».

...Годы (долгие годы) спустя, будучи народным депутатом СССР, я объявил политическую голодовку в гостинице «Москва» в знак протеста против упразднения Горбачевым законной власти в Карабахе, где тогда всюду был вывешен некогда попу-

лярный лозунг: «Вся власть Советам!» Это было 9 сентября 1990 года. Через пять дней в мой гостиничный номер пришел Виктор Амбарцумян. В те дни многие навещали меня. И визит великого ученого, да еще коллеги по союзному парламенту, я воспринял как обычное явление. Каково же было мое удивление, когда он в свои без пяти минут восемьдесят два года категорически заявил, что присоединится к такой крайней мере протеста.

Я прекрасно сознавал, какую ответственность беру перед нашим народом, и не только перед нашим, соглашаясь на такое чреватое опасными последствиями решение ученого, являющегося достоянием всего человечества. Вспомнил подаренную мне в юности Софьей Амбарцумовной книгу, в которой описывалось, как отец Виктора Амбарцумяна повез в Тифлис своего восьмилетнего сына к великому Ованесу Туманяну. Это было самое трагическое время для армянского народа. Время, когда Туманян возглавил общество помощи сиротам — жертвам геноцида армян в Османской империи. И познакомившись с юным дарованием, убитый народным горем поэт произнес пророческое: «Глядя на этого мальчика, я теперь спокоен за будущее армянского народа». Незабвенная Сильва Капутикян в своем философско-патетическом стихотворении отмечает, что армянский народ мстит за геноцид самим фактом рождения таких титанов, как Мартирос Сарьян, Арам Хачатурян, Виктор Амбарцумян. Так что я не мог не осознать великую ответственность за жизнь этого человека. Через два дня Президент СССР М. С. Горбачев прислал с нарочным послание, в котором поздравил академика с днем рождения и просил прекратить голодовку. Прочитав текст поздравления, Амбарцумян обратился к курьеру: «Передайте, пожалуйста, Михаилу Сергеевичу: раз уж он просит прекратить политическую акцию, то мог бы назвать имена и других депутатов, объявивших голодовку. А то как-то нехорошо получается. Передайте также ему, что мы пойдем до конца и что я лично никогда не решился на такую крайнюю меру, если бы не был уверен в своей правоте, ибо гарант Конституции, упразднив советскую власть в автономной области, тем самым нарушил Конституцию».

Увы, через неделю врач, ежедневно осматривающий нас (мы соблюдали писанные законы политических голодовок), вынужден был вызвать карету «Скорой помощи». В специальном бюллетене сообщалось: «У Виктора Амбарцумяна появились опасные признаки нарушения мозгового кровообращения, затрудняющего его передвижение, нарастание упадка сил, сни-

жение жизненного тонуса, которые в его возрасте могут стать необратимыми и привести к наисерьезнейшим последствиям». Тотчас же приехали супруга ученого Вера Федоровна и сын Рубен Викторович. Это был самый тяжелый для меня день из трех недель. Выраженное беспокойство за жизнь дорогого моему сердцу человека наслонилось на трезвое осознание того, что нашему расставанию нет альтернативы.

Перед самым уходом он подошел к моей кровати. Мы обнялись. Я тихо прошептал: «Спасибо, что вы есть! Спасибо за ваши уроки!» Он сказал несколько слов о Карабахе и в конце добавил: «Прости меня, я не хотел»...

* * *

Из Святой Троицы самым младшим и самым... святым был Левон Палчян. Так звали в миру будущего Католикоса всех армян Вазгена Первого. В Степанакерте у нас дома висит портрет моего прадеда Ованеса и моей бабушки Шогагат. Дед облачен в черную рясу армянского священника. И может, поэтому всегда я с каким-то благоговением относился к священнослужителям, одетым в вызывающую душевность и теплоту строгую рясу. И все же с раннего детства я знал, что у нас, у армян, есть самый-самый главный священник, которого величают Католикос всех армян. Как географически широко звучит словосочетание «всех армян»!

И, конечно, не мог ни ведать, ни гадать, что я не только увижу и познакомлюсь с Католикосом всех армян, но и, если можно так обозначить наши отношения, подружиться. А началось все в доме у Сильвы Капутикян. 20 января 1979 года отмечали ее шестидесятилетие. Во главе стола сидел Его Святейшество. После традиционных так называемых обязательных тостов начались диалоги, монологи, беседы. И чаще всего в эпицентре вечера находились Сильва и Вазген Первый. Сильва спросила Его Святейшество: «Я хорошо помню, что уже с детства грешила стихами, а вот когда вы почувствовали, что тянет вас в священники?» Его Святейшество начал свой ответ сразу же, словно был готов к вопросу: «Впервые я невольно задумался не о самом себе в роли, как вы говорите, священника, а о роли самих священников в жизни нашего народа». И продолжил: «Это было в годы, когда шла война в Испании. В Бухаресте я родился, окончил школу и факультет литературы и философии Бухарестского государственного университета. Как и вы, грешил стихами. Преподавал в армянских школах. Выпускал журнал «Херк» («Пахота»), пи-

сал литературоведческие статьи. Прочитав роман Франца Верфеля «Сорок дней Муса Дага», сразу взялся за перо. Кстати, именно Верфель явился, можно сказать, главным виновником того, что я впервые серьезно подумал о роли священнослужителя. На меня неизгладимое впечатление произвел в романе диалог между главным героем Габриэлом Багратьяном и главой местной армянской паствы Тер-Айказуном. Грядет смертельная беда. Враг у порога дома. И на вопрос Багратьяна «Что вы будете делать для спасения народа?», священник отвечает: «Буду молиться». Багратьян иронично говорит Тер-Айказуну: «Только не забывайте, что иногда нужно и самому Богу помочь!» Он считал, что в багратьяновской формуле «помочь Богу» стратегической действенности куда больше, чем в популярной народной поговорке: «На Бога надейся — сам не плошай». Я поразился тому, что на восьмом десятке лет седобородый старец помнит в деталях фрагмент из книги, о которой в те времена мы знали только понаслышке. Годы спустя я узнал, что еще до войны будущий Католикос всех армян опубликовал пространную исследовательскую работу о книге «Сорок дней Муса Дага», которую в течение 1934—1935 годов успели перевести на 36 языков. И вот в начале 80-х годов было решено сделать перевод труда Вазгена Первого на русский и опубликовать в «Дружбе народов». Помогли в этом деле главный редактор Баруздин и член редколлегии Холопов. Публикация эта стала явлением не только потому, что автором ее был духовный патриарх всех армян, но и учитывая ценность самого литературоведческого произведения. Кстати, этот факт послужил толчком и тому, чтобы издать роман Верфеля на русском с предисловием Михаила Дудина.

Я видел, как нелегко пришлось этому человеку жить и служить в государстве, где, к примеру, студента могут лишить диплома в случае, если он не сдаст экзамен по научному атеизму. Его это удивляло уже потому, что он хорошо знал русскую классическую литературу и русских философов, особенно Николая Бердяева и Сергея Булгакова, труды которых были переведены на европейские языки. Знал и то, что эти и многие другие философы поначалу были марксистами, а затем стали религиозными философами. Это означало, что преподаватели научного атеизма, хотели того или нет, должны были, по логике вещей, опровергать труды и Бердяева, и Булгакова, и многих других философов. Правда, ни с кем на эту тему он не говорил. Еще до того, как он приступил к патриаршим обязанностям, в 1955 году, он получил строгий инструктаж от чиновников из

аппарата М. Сулова о том, что запрещается заниматься религиозной пропагандой. Дали понять, что в Кремле хорошо знают о его рецензии на книгу, автором которой является еврей, и что не очень надо распространяться по поводу спасения большой группы евреев от гестапо в Бухаресте.

Дабы не навредить армянской церкви и армянской пастве, патриарх, как он говорил, «не занимался политикой». И это, когда имя Вазгена Первого было широко известно в рядах борцов за мир. Он был удостоен Международной премии мира имени Жолио-Кюри.

И, тем не менее, многое из биографии нашего Католикоса становилось нам известным. Так, выдающийся армянский писатель-фронтовик Серо Ханзадян рассказывал, как приехал в Эчмиадзин к Католикосу исследователь холокоста, историк Семен Самуилович Виленский, который знал о подвиге Его Святейшества в годы войны, когда тот прятал от гестаповцев более двухсот евреев, прекрасно осознавая, какая кара его ждет в случае провала.

...Двадцать девятого сентября 1990 года на двадцать первый день политической голодовки неожиданно открылась дверь моего гостиничного номера и показалась знакомая до боли всем армянам мира фигура Католикоса Вазгена Первого. Он остановился на мгновение в просвете двери, опираясь на инкрустированный посох. Потом медленно зашагал к центру комнаты. Посмотрел на меня и стоявшего рядом Соса Саркисяна. Перевел взгляд на прибранную кровать, осиротевшую после ухода Виктора Амбарцумяна, и подчеркнуто спокойно произнес: «Я не только Католикос всех армян. Я еще и народный депутат СССР, как и вы. Вот я и решил занять место заболевшего Виктора Амбарцумяна. По крайней мере, без вас я не вернусь в Эчмиадзин»...

В его облике, в его мудрости было нечто от царя Соломона. Патриарх не просто так приехал к нам из Эчмиадзина. Он знал о тысячах телеграмм, присланных нам не только из Армении и от мировой армянской диаспоры, знал об обращении к нам Верховного Совета республики, о письме видных писателей, опубликованном накануне в «Литературной газете», как знал и то, что решение наше идти до конца было более чем серьезным. Однако знал он твердо самое главное: мы никогда не позволим Католикосу всех армян подвергнуть себя такому опасному риску.

Долго я умолял его отказаться от своего решения. Но все было тщетно. Он был тверд. Мы сдались. Он лукаво улыбнул-

ся, прищутив большие добрые глаза, чуть отвел в сторону полу рысы, достал из широких карманов подрясника четыре груши и по очереди протянул их нам. Вкус невозможно описать. Дело было не только в том, что три недели во рту у нас не было маковой росинки, но и в том, что груши эти сорвал сам Католикос в саду католикосата в святом Эчмиадзине.

* * *

Святая Троица. Пожалуй, даже школьники знают, что речь идет о Боге-отце, о его Сыне и о Святом Духе. Однако, как известно, это библейское словосочетание широко используется (как образ) в литературе, даже в быту, не обязательно имея в виду прямую суть, обозначенную в «Отче наш». Об этом я размышляю не всуе. Однажды я спросил патриарха нашего о том, есть ли у него другие, так сказать, «свои святые троицы». Он начал издали. Рассказал о том, что еще задолго до того, как принял духовный сан и стал иеромонахом, он сделал для себя спасительное открытие. Святой Месроп Маштоц изобрел алфавит и тем самым, как писал архиепископ Магакя Орманиян, в первую очередь устранил зло. Но этого было мало. Надо было еще открыть школы, чтобы учить детей азбуке. Однако и этого было мало. Нужен был целый комплекс мер просвещения. И вот будущий Католикос всех армян взял себе в учителя трех древних армянских святых как единое целое. Святой Саак, которого тот же Орманиян называл просветителем человека вообще «путем литературы и священничества». Святой Григорий — просветитель душ «путем веры». Святой Нерсес — просветитель сердец «путем распространения добрых нравов». Видно, что речь идет о целой программе и о святых принципах. Так что, если в основе любой школы (в самом широком смысле этого слова) не будут базисно лежать эти святые принципы, то станет ущербным и сам человек, и само государство.

Я часто думаю об этой патриаршей Святой Троице, всякий раз проводя параллель с тремя теперь уже столетними мудрецами — Уильямом Сарояном, Виктором Амбарцумяном и самим Католикосом всех армян Вазгеном Первым, которые всегда были в ладах с природой и которые считали, что после хлеба самое главное и самое важное на Земле — это школа. Это уроки жизни.